

Т.М. Миллионщикова

ТВОРЧЕСТВО И.С. ТУРГЕНЕВА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ США

Аннотация. В статье рассматриваются работы литературоведов США, в которых исследуются мировоззрение и творчество И.С. Тургенева и его влияние на американских писателей.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; И.А. Гончаров; Ф.М. Достоевский; В.В. Набоков; Г. Джеймс; Э. Хемингуэй; перевод художественной литературы; мировоззрение писателя; поэтический реализм; литературные связи и влияния.

Millionshchikova T.M. I.S. Turgenev in the American literary studies

Summary. The article deals with the American studies on I.S. Turgenev and on his influence on American writers.

Keywords: I.S. Turgenev; I.A. Goncharov; F.M. Dostoyevsky; H. James; E. Hemingway; literary translation; world outlook of a writer; poetical realism; literary connections and influence.

Знакомство с творчеством И.С. Тургенева в США относится к концу 60-х годов XIX в. – к тому времени, когда появился первый перевод на английский язык романа «Отцы и дети», выполненный Юджином Скайлером (Schuyler)¹.

Начальный этап историко-литературного изучения произведений Тургенева в этой стране отмечен сходством общественно-политических ситуаций: в России – после отмены крепостного права и в США – после уничтожения рабовладения.

К 1877 г., по утверждению Ванна Брукса (Brooks), интерес к творчеству Тургенева в США «вырос до размеров настоящего культа»². На 1890-е годы пришелся пик его славы, когда Констанс Гарнет (Garnett) завершила перевод всей прозы Тургенева на английский язык и в США вышло 15-томное собрание сочинений русского писателя³.

Значительную роль в знакомстве с произведениями Тургенева в США сыграли Г. Джеймс (James), Х. Бойесен (Boyesen), Т. Перри (Perry), У.Д. Хоуэллс (Howells), Ш. Андерсон (Anderson), Э. Хемингуэй (Hemingway) и другие американские писатели и литературные критики. Их внимание привлекло реалистическое творчество Тургенева-романиста – не просто «описывавшего» жизнь, а «воссоздававшего» ее (Т. Перри)⁴. М.П. Алексеев отмечал, что «непосредственное и сильное воздействие творчества Тургенева на американскую литературу пришлось на последнюю четверть XIX в., на период борьбы за идейное реалистическое искусство»⁵. Почти все эти писатели испытали глубокое влияние русского писателя на собственное мировоззрение и творчество.

Генри Джеймс (1843–1916) – горячий почитатель творчества Тургенева – называл себя учеником русского романиста. Знакомство писателей состоялось в ноябре 1875 г. За год до этой встречи Джеймс написал большую литературно-критическую статью о книге повестей «Вешние воды» и «Степной Король Лир» Тургенева⁶. В трех последующих статьях (1877, 1884 и 1897) Джеймс вновь высоко оценивал творчество русского писателя, которого называл «романистом романистов». Тема «И.С. Тургенев – Г. Джеймс» привлекала внимание многих американских славистов⁷.

В 1975 г. вышла в свет монография профессора Амхерст колледжа Дейла Э. Питерсона (Peterson) «Поэтический реализм Тургенева и Джеймса»⁸, в которой дан сопоставительный анализ творческих методов двух писателей. Генри Джеймс, особенно в начале своей писательской карьеры, часто обращался к сюжетам Тургенева и перерабатывал их, отмечает Д. Питерсон, ссылаясь на работы американских славистов. В поле зрения автора новой монографии – эстетические, культурные и личностные специфические особенности Тургенева-человека и Тургенева-художника в их

органическом сочетании, пленявшие творческое воображение его младшего современника – Генри Джеймса.

Характеризуя историко-литературную атмосферу на Западе второй половины XIX в., при которой стало возможным восприятие художественного исследования Тургенева в чужой культурной среде, американский славист задается вопросом: «Каким образом Тургеневу удалось создать столь впечатляющее изображение “прочувствованной истины”?»⁹.

Д. Питерсон характеризует художественный метод обоих романистов как «поэтический реализм», видя в нем разновидность провозглашенного американским литературоведом Доналдом Ли Фэнджером «романтического реализма»¹⁰.

Для школы «романтического реализма», основателем которой считается Бальзак, характерна, по мнению как Д. Фэнджера, так и Д. Питерсона, поэтизация действительности – в отличие от «изображения жизни в самой ее сущности», которое предстает в произведениях «чистого реализма».

Повествовательная манера Тургенева привлекла к себе симпатии американских читателей, которым наскучило морализаторство викторианской и «распущенность» французской литературы конца XIX в. Тургенев, полагает автор, содействовал тому, что американцы определили для себя реализм как «выражение культуры своей страны и эпохи», и никто не мог лучше Генри Джеймса признать этот вывод.

Исторической основой популярности Тургенева в Америке явилась традиционная дружеская политика России в отношении США со времен войны за независимость. Освобождение крестьян в России почти совпало по времени с борьбой за отмену рабства в США и породило в Америке живой интерес к русской культуре, одним из результатов которого и явилась необычайная популярность романов Тургенева.

Свидетельством раннего знакомства американского читателя с Тургеневым является письмо к Генри Джеймсу его брата Уильяма, написанное в 1889 г.: У. Джеймс с похвалой отзывается в нем о стиле и мастерстве русского писателя. Однако до 70-х годов американские литераторы не решались дать свою оценку Тургеневу, пока европейская критика не провозгласила его «главой ныне живущих романистов». Вслед за немецким критиком Ю. Шмидтом

(Schmidt), назвавшем Тургенева в числе наиболее выдающихся представителей «поэтического реализма», в европейской критике стало общепринятым сравнивать «Записки охотника» Тургенева с «Хижинкой дяди Тома» Бичер-Стоу, подчеркивая превосходство объективности и точности изображения у русского писателя над напыщенностью и сентиментальностью повествования в книге американской романистки.

Г. Джеймс в своем очерке о Тургеневе обратился к анализу художественной архитектоники его романов, высоко оценив творчество русского писателя и отметив социальную широту охвата жизни Тургеневым, чего так не хватало самому Джеймсу в его творчестве.

Один из крупнейших американских реалистов того времени У.Д. Хоуэллс писал, что Тургенев раскрыл перед американскими писателями «новый мир» – «единственно реальный мир». Этот новый мир, открытый Тургеневым, был весьма близок к художественным исканиям американских литераторов, особенно в условиях обострившегося в их среде конфликта между утверждением красоты в искусстве и призывом к выполнению общественного долга. Эпоха реконструкции, последовавшая за Гражданской войной, была ознаменована борьбой этих двух тенденций в американской культуре: стремлением покончить со всякой идеологией в искусстве и попытками создать демократическую американскую культуру.

Д. Питерсон прослеживает влияние прозы Тургенева, в частности «Рудина», на ранние романы Джеймса, особенно на «Родрика Хадсона» (1875), весьма близкого по своей направленности к эстетическим размышлениям Джеймса в очерке о Тургеневе 1874 г. В предисловии к роману «Женский портрет» (1909) Джеймс открыто признал глубину воздействия, которое оказал на него Тургенев. Однако это было заявлено лишь тогда, когда влияние русского писателя на Джеймса уже стало историческим фактом и Джеймс как писатель уже создал свою собственную художественную манеру.

Если в ранних книгах Джеймса Д. Питерсон усматривает прямое влияние Тургенева, то поздние романы писателя он сопоставляет с тургеневскими произведениями в типологическом аспекте. Помимо сходства в художественном методе он обнаруживает близость этических взглядов обоих писателей, «милосердного

видения мира», как он именует эту черту русской и американской литературы.

При сопоставительном анализе повестей «Первая любовь» Тургенева и «Что знала Мэйзи» Джеймса прослеживается близость эстетических взглядов обоих писателей. По мнению американского слависта, в творчестве и того и другого за ближайшими реалистическими горизонтами открывается некий «фантастический мир второго видения». Концепция «милосердного видения» действительности, как общая черта Тургенева и Джеймса, позволяет Питерсону объявить этих писателей «реалистами-визионерами».

В 1974–1980-х годах в США вышло трехтомное собрание писем Генри Джеймса¹¹, в которых он, в частности, сообщал своим родным, друзьям и соратникам по литературе (У.Д. Хоуэллс, Т.С. Перри) впечатления о встречах с русским писателем – «на редкость очаровательным человеком», который ему «страшно» «понравился» (из письма к брату, Уильяму Джеймсу).

Мейлер Уилконсон¹² исследует историю знакомства Э. Хемингуэя (1899–1961) с творчеством Тургенева. Высказывания Хемингуэя о литературе содержатся в его очерках, интервью и письмах, а также вкраплены в художественные тексты. К произведениям русских писателей – Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова – Хемингуэй относился как к «бесценным сокровищам».

Тургенев оказался первым в ряду русских писателей, которых Хемингуэй читал в 20-е годы в парижской книжной лавке-библиотеке Сальвии Бич. Особенно часто в сохранившемся формуляре Хемингуэя встречается имя Тургенева. В речи о Шекспире Тургенев говорил, что Шекспир сделался достоянием русской литературы. Сходные мысли высказывал Хемингуэй о Тургеневе в «Зеленых холмах Африки».

В 60-е годы в западном литературоведении наблюдался спад интереса к творчеству Тургенева. Подчас в его адрес звучали упрёки в устарелости тематики и сентиментальности стиля.

В полемику с авторами подобных утверждений вступил профессор Чарлз Моузер (Moser). В монографии «Иван Тургенев»¹³ он, акцентируя внимание на разоблачительном пафосе «Записок охотника», дает высокую оценку мастерству Тургенева-

психолога, предвосхитившего в пьесе «Месяц в деревне» тонкий психологизм чеховских пьес.

Ч. Моузер разграничивает тематику больших и малых жанров в творчестве писателя: в романах ставятся актуальные общественно-политические проблемы, в то время как рассказы и повести затрагивают камерные вопросы. Но и в тех и в других повествовательных формах Тургенев имеет дело с материалом, взятым из жизни, а не с абстрактными философскими идеями. Типология характеров действующих лиц в произведениях Тургенева выстроена на классификации человеческих типов, созданной самим писателем в его статье «Гамлет и Дон Кихот», в которой выделены «рефлексирующие» герои гамлетовского типа (Рудин, Лаврецкий) и активные, действующие личности (Инсаров).

«Лучшим романом» Тургенева американский славист считает роман «Отцы и дети», в котором писателю удалось показать, что идеалистические теории «детей», какими бы прекрасными они ни были в абстракции, не выдерживают столкновения с реальной действительностью.

Несмотря на временный отход Тургенева от социально-политической тематики и обращение к «мистике» («Призраки», «Довольно»), писатель все же оставлял возможность рационалистической интерпретации «сверхъестественных» явлений («Собака», «Стук-стук-стук»).

В последние годы жизни Тургенев работал в малых жанрах и даже вернулся к поэтическим опытам юношеских лет, выступив создателем цикла «Стихотворений в прозе», объединившего короткие, подчас всего в несколько строк, «лирические виньетки» на самые разные темы. Несмотря на тематическое разнообразие этих политических, религиозных, лирических и философских раздумий, их объединяет пессимистическое уmonoстроение автора. Постоянное присутствие в них темы смерти американский славист объясняет предчувствием близкой кончины.

«Гончаровскую проблематику» в произведениях Тургенева стремится выявить профессор Университета Джорджии (США) Елена Краснощёкова (Krasnoshchokova)¹⁴. Хотя американский славист делает оговорку, что она не затрагивает взаимоотношений двух писателей-современников: известны упреки Гончарова

(1812–1891) в заимствованиях в адрес Тургенева, что привело к частичной переработке рукописи «Дворянского гнезда».

Если И.С. Тургенев в романах (от «Рудина» до «Нови») описывал разные этапы духовных поисков идейных интеллигентов, трудно изживающих идеологические иллюзии разного толка, то Гончарова интересовал сам ход жизни, сказывающийся на сдвигах ментальности целых слоев населения.

В логике «Обыкновенной истории» с его подчинением «места» «времени» герои даны в начале романа как представители разных эпох русской истории: Александр – допетровской (детской), Петр – европейской (взрослой). Недаром «Обыкновенная история» прочитывалась и как книга о двух поколениях, о борьбе отцов и детей, предсказавшая по-своему роман Тургенева.

Психологическая достоверность Лизаветы Александровны подтверждается сопоставлением ее истории с бурной драмой тургеневской героини из повести «Фауст» (1856). При встрече героя-рассказчика с Верой Ельцовой, которую он не видел много лет, его поражает ее внешность: «она почти не изменилась; сама Вера как бы продолжает мысли героя: “я и внутренне осталась та же”». Эта неизменяемость – знак неестественной остановки развития («усыпления») под давлением воли другого человека. Мать Веры, перенесшая много страданий, старалась оградить от них дочь. В итоге Верина сердечная жизнь замерла, так и не начав просыпаться. С возникшей любовью приходят к Вере запоздавшее самосознание и надежда на счастье. Но резкий переход от «замороженности» к подлинному, более того, экзальтированному чувству оказывается Вере не по силам. В смерти любимой женщины герой винит ее покойную мать.

История Веры вряд ли может быть названа «обыкновенной»: трагическая судьба ее семьи вмешалась в ее жизнь. Но драматический результат духовной тирании, лишения молодой натуры «законного проявления чувства» – тот же, что показан в романе Гончарова. Основная мысль повести Тургенева была справедливо прочитана как предупреждение о том, что «нельзя идти против нормального развития природных даров»¹⁵.

Прослеживая в романе «Дворянское гнездо» (задуман в 1856 г., опубликован в 1859 г.) вариацию обломовского мотива Гончарова, американский славист подчеркивает, что в системе воззрений обоих

писателей в качестве ведущей силы в человеке осмыслиется само-усовершенствование. Воспитание Федора Лаврецкого, названного Ап. Григорьевым «обломовцем», предстает как волевой эксперимент по соединению двух «систем», которые вослед Гончарову («Сон Обломова» появился за 10 лет до «Дворянского гнезда») могут быть, по мнению исследовательницы, названы «обломовской» и «штольцевской».

За творческими планами Гончарова стояла традиция создания образа художника (обычно живописца и музыканта) в русской прозе 20–30-х годов, возродившаяся в прозе Л.Н. Толстого 50-х годов («Альберт», «Люцерн») и у И.С. Тургенева 50–60-х годов («Ася», «Дворянское гнездо», «Накануне»).

«Сверхзамысел» Гончарова – показать становление «русского типа» в «школе жизни» – преломился в «романе о художнике». Тургенев в повести «Ася» (1858) с иронией более едкой, чем у Гончарова, воссоздал состояние и поведение дилетанта в момент вдохновения. Дилетантизм (именуемый по-разному в разные эпохи) в его противопоставлении «истинному творчеству» – явление, порожаемое самой привлекательностью сферы искусства для людей, ищущих духовного самовыражения. Но можно утверждать, что в России первой половины XIX в. среди дворянской элиты это явление поистине расцветало. Сказалось идущее от романтизма стремление отдаться искусству в качестве приобщения к высшему роду деятельности рядом с ежедневной рутинной трудом и службой. Этот тип постоянно привлекал внимание и Тургенева, который сам в отдельные периоды жизни осознавал себя дилетантом и страшился подобной судьбы. Повесть «Ася» создавалась в период подобных раздумий.

Судя по «Необыкновенной истории», Гончаров намеревался написать «огромную главу о предках Райского, объясняя свое решение исключить предысторию героя из плана «Обрыва» (1869) тем, что Тургенев уже написал главу о предках Лаврецкого в «Дворянском гнезде».

Гончаров, обвиняя Тургенева – автора «Накануне» (1861) – в сюжетном и ином «плагиате», в частности имел в виду влияние фигуры Бориса Райского на образ «вольного» скульптора Павла Шубина. Среди исследователей нет единодушия по вопросу об

обоснованности претензий Гончарова в этом конкретном случае (Б.М. Энгельгардт, А.И. Батюто).

Гончаров, упрекая Тургенева в заимствованиях из «Обрыва», упоминал и роман «Отцы и дети» (1861). Е.А. Краснощёкова ссылается на заключение А.И. Батюто, что «концептуально-художественной общности между “Отцами и детьми” и “Обрывом” не существует»¹⁶. Не акцентируя внимание на «беспрецедентном гончаровско-тургеньевском конфликте», американская исследовательница обращает внимание на очевидную несопоставимость образов Базарова и Волохова – как по масштабу личности, в них воплощенной, так и по художественному исполнению. И те и другие упреки – результат игнорирования формы «романа в романе». К частям II–V произведения Гончарова вряд ли приложимы прямые аналогии с упоминаемыми произведениями Пушкина и Тургенева, так как в «Обрыве» мир представлен в восприятии Райского и, естественно, этот мир меняется со сменой внутреннего состояния «автора».

Профессор Питсбургского университета (США) Елена Дрыжакова (Dryzhakova) считает важным отметить, что еще за несколько месяцев до публикации в «Русском вестнике» романа Тургенева «Отцы и дети» Достоевский, полемизируя с журналом, защищал увлекающихся «теоретическими бреднями» «крикунов и мальчишек», «прогрессистов» и признавал за ними право на «тоску и страдание». Писатель осуждал тех, кто называл «прогрессистов» «пустозвонами» и «манекенами».

Роман «Отцы и дети» Достоевский прочитал сразу же после того, как он вышел в свет, и в первой половине марта 1862 г. послал Тургеневу в Париж свой восторженный отзыв. Письмо не сохранилось, но из ответа Тургенева видно, что он был очень доволен интерпретацией Достоевским образа Базарова. В письмах к друзьям от марта-апреля 1862 г., где Тургенев пытался разъяснить своего героя, он подчеркивал, что лучше всех его поняли А. Майков, В. Боткин и Ф. Достоевский.

Е. Дрыжакова напоминает, что журнальная полемика о романе «Отцы и дети» проходила чрезвычайно бурно. Достоевский сочувственно оценил Базарова, «несмотря на весь его нигилизм», потому что увидел в нем нечто новое, уже возбудившее его внимание. Однако еще первоначальное отношение к Базарову писа-

тель пересмотрел к началу 1860-х годов, работая над характером нигилиста Верховенского («Бесы»): не трагизм, не тоску, не «великое сердце» видел он теперь в Базарове, а равнодушие, посредственность, «впечатление чего-то маленького».

Работая над романом «Бесы», Достоевский соединил в своем сознании фурьеризм, революционеров-мошенников и нигилистов. В черновиках содержатся воспоминания о полемике 1862–1863 гг. В набросках диалогов Достоевский не просто вспомнил Базарова: речь шла о будущем образе Петруши Верховенского. В этот период Достоевский полагал, что Тургенев «нарушил правду», поставив своего героя «на пьедестал».

В окончательном тексте романа «Бесы» Степан Трофимович Верховенский разражается филиппикой против тургеневского героя: «Я не понимаю Тургенева. У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе. Они же первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее. Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрёва с Байроном... О карикатура!»¹⁷

Уильям Брамфилд (Brumfield) – американский литературовед, профессор славистики Университета Тулейн (Новый Орлеан, США) – исследует социальную тему в творчестве Тургенева, Достоевского и других русских писателей 1860–1880-х годов. Статьи американского слависта объединены общим названием «Социальный проект в русской литературе XIX века»¹⁸ и опубликованы российским издательством «Три квадрата».

В статье «Приглашение на казнь: Тургенев, Достоевский и Троппман» в центре внимания У. Брамфилда – очерк Тургенева «Казнь Троппмана». Написанный под впечатлением от пребывания Тургенева на гильотировании французского преступника, этот последний очерк писателя впервые напечатан в 1870 г. в № 6 «Вестника Европы». Неопровержимые доказательства того, что Тургенев когда-либо выступал против смертной казни, отсутствуют. Даже в статье «Казнь Троппмана», где выражено неприятие писателем казни как публичного зрелища, Тургенев выказывает свое отвращение к ней в том виде, в каком она практикуется во Франции.

Тургенев был приглашен на гильотинирование Троппмана французским журналистом Максимом Дю Канном, одним из наиболее решительных противников смертной казни во Франции.

Некоторые описанные им детали и высказывания по поводу казни Тургенев включил в собственный рассказ. Сравнение этих двух «отчетов» показывает, что социологические комментарии Дю Канна помогли Тургеневу передать атмосферу ужаса и одновременно притягательности, диссонирующую с заключительной частью его статьи. Писатель здесь обращался к просвещенности читателя, призывая оправдать смущение автора, ставшего очевидцем казни, – в надежде на то, что это смогло бы привести «хотя бы к некоторому моральному протесту»¹⁹.

С точки зрения американского слависта, «Казнь Троппмана» – превосходный пример расследования события тонким наблюдателем, настойчиво стремящимся выявить нравственные свойства этого явления; Тургенев использует здесь определенный набор художественных приемов, хорошо знакомых читателям его произведений. Так, краткие повествования, окаймленные авторскими комментариями, впервые появились еще в начале литературной деятельности автора «Певцов» из «Записок охотника». Первая сцена «Казни Троппмана» – торжественный обед в исключительно мужской компании, члены которой преисполнены чувства собственного достоинства, – напоминает «послеобеденные вступления», встречающиеся в его поздних произведениях «Первая любовь» и «Степной Король Лир».

Однако в «Казни Троппмана» рассказчик не предается воспоминаниям вместе со своими друзьями по застолью (некоторые из них также будут присутствовать на казни), но, оправдывая свою «точку зрения» свидетеля, признается, что «занял это место по легкомыслию и без должного рассуждения»²⁰. Такой контраст между комфортом и привилегированным положением, с одной стороны, и жестокостью казни, представляемой как публичный спектакль, – с другой, компрометирует нравственную позицию рассказчика-свидетеля, так как его комментарий посвящен в основном тому, насколько этот спектакль возбуждает толпу.

Тургенев не находит в событии, свидетелем которого он стал, ничего правомерного и оправдываемого с точки зрения морали: все участники лишь играют бессмысленные роли. В последнем (12) разделе он констатирует: «Всякий старался мысленно отвернуться и как бы сбросить с себя ответственность в том убийстве»²¹. Это недвусмысленное заявление предваряет соображения

автора по поводу смертной казни; однако, как уже говорилось выше, Тургенев не принимает некую абсолютную позицию, опирающуюся на правовые или нравственные основания. Его последние высказывания относятся к проблеме публичных казней – они были довольно редким явлением в Европе в конце XIX в. и отнюдь не центральной проблемой в дебатах об отмене смертной казни.

Критический отклик Ф.М. Достоевского на статью Тургенева содержится в письме Н. Страхову от июня 1870 г. «Импрессионистическое эстетство» Тургенева трактуется Достоевским как поза, не имеющая ничего общего с подлинно нравственной позицией. Как это ни парадоксально, продвижение к обретению зрелого понимания нравственности включает неприятие «более чистых», но обманчивых форм принципиальной абсолютизации. Это, по мнению американского литературоведа, со всей очевидностью проявилось в «Подростке» Достоевского и «Отцах и детях» Тургенева, особенно в судьбах двух Аркадиев: Долгорукова, главного героя «Подростка», и Кирсанова, одного из действующих лиц в романе «Отцы и дети».

На пути к зрелости оба Аркадия должны преодолеть соблазны приверженности идеализму. В романе «Подросток» юный Аркадий Долгорукий окружен более взрослыми персонажами, чувство потерянности и недовольство которых связано с российским комплексом неполноценности по отношению к Западу. Аркадий должен преодолеть это состояние безнадежности и, как и Россия, достигнуть зрелости, основанной на уверенномприятии нравственных ценностей, которые важнее национальной неуверенности в себе.

С точки зрения Тургенева, воспринимавшего Запад как родную стихию, «национальный комплекс неполноценности» не имел никакого значения. Тем не менее как «либеральный гражданин мира» он восхищался заявлениями о приверженности радикальным взглядам, сделанными в России. Тургеневу в большей степени, чем кому-либо другому из русских писателей его времени, удалось выразить парадоксальность радикального идеализма в образе Базарова. Согласно общепринятой интерпретации тургеневского романа, основное действие разворачивается вокруг Базарова и его противостояния двум старшим Кирсановым, особенно Павлу Николаевичу. Вместе с тем на протяжении всего романа, и особенно

в конце, Тургенев тонко противопоставляет друг другу характеры «сыновей»: Базарова и его младшего товарища Аркадия Кирсанова. Базаров – носитель идеи радикального идеализма – умирает, а Аркадий женится на Кате, и они выполняют свое биологическое предназначение – таким образом, по мнению американского литературоведа, Тургенев воплотил в романе «Отцы и дети» свою концепцию Аркадии.

Однако в этой идее есть и свои неизбежные противоречия, и ни один писатель, по мнению У. Брамфелда, не видел их яснее, чем романист Василий Слепцов (1836–1861), унаследовавший тургеневскую традицию, утверждает У. Брамфелд в статье «Базаров и Рязанов: Романтический архетип в русской литературе», в которой сопоставляются главные герои «Отцов и детей» и повести «Трудное время» Слепцова. Как и Тургенев, Слепцов был выходцем из дворянской среды (большинство политически радикальных писателей были разночинцами). Несмотря на свое дворянское происхождение, Слепцов, в отличие от Тургенева, Достоевского и Толстого (в молодости), задышался в дворянской атмосфере. Активный участник общественной жизни, Слепцов глубоко отразил политические и общественные реалии, характерные для важного периода российской истории – 60-х годов XIX в.

При всем значении образа Базарова как символа (хотя и оспариваемого) радикальной интеллигенции, при всей провидческой проницательности Достоевского, показавшего безжалостность и аморальность, присущие революционной деятельности («Бесы»), произведения Тургенева и Достоевского создают прежде всего блестящие психологические портреты. Слепцов, по крайней мере в повести «Трудное время», смог вложить в художественное произведение личный опыт и знание того, чем был радикализм 1860-х годов, избежав романтизма, свойственного Тургеневу. Поэтому именно к сочинениям Слепцова следует, по мнению Брамфелда, обратиться для обстоятельного понимания того периода российской истории.

¹ *Turgenev I.S. Fathers and sons. A novel / Trans. from the Russian with the approval of the author by Eugene Schuyler. N.Y., 1867. См.: о Ю. Скайлере: Ю. Скайлер – первый переводчик и критик Тургенева в США // Николокин А.Н. Взаимо-*

- связи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М.: Наука, 1987. С. 77–93.
- ² *Brooks V. Howells: His life and the world.* N.Y., 1959. P. 103.
- ³ О переводческой деятельности К. Гарнет см.: *Tove A. Констанция Гарнет – переводчик и пропагандист русской литературы // Русская литература.* 1958. № 4. С. 193–196.
- ⁴ О восприятии американскими писателями Тургенева (Дж.В. Кейбл, Х. Гарленд, Дж. Лондон, Дж. Рид, Э. Синклер, С. Льюис, Ф. Харрис, Ш. Андерсон, У. Стивенс, Ф.С. Фицджералд, У. Фолкнер, Э. Хемингуэй, Р. Джарелл) см.: *Николюкин А.Н. Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка.* М.: Наука, 1987. С. 122–131.
- ⁵ *Алексеев М.П. Мировое значение «Записок охотника» // «Записки охотника» И.С. Тургенева (1852–1952).* Орел, 1948. С. 98.
- ⁶ *Fruhlingsfluchten. Ein König Lear des Dorfes. Zwei Novellen von Ivan Turgeniew // North American Review.* 1874. N 613. April. P. 326–356.
- ⁷ Из основных работ этой тематики следует упомянуть: *Lerner D. The Influence of Turgenev on Henry James // The Slavonic and East European Review.* 1941. Vol. 20. N 1. P. 28–54; *Eunice C.H. Henry James's The Princess Casamassima and Ivan Turgenev's Virgin Soil // The South Atlantic Quarterly.* 1962. Vol. 51. N 3. Summer. P. 354–364.
- ⁸ *Peterson D. The element vision: Poetic realism in Turgenev and James.* Port Washington (N.Y.), L.: Kennikat press, 1975.
- ⁹ *Ibid.* P. 2.
- ¹⁰ *Fanger D. Dostoevsky and romantic realism: A study of Dostoevsky in relation of Balzac, Dickens and Gogol.* Cambridge, Mass., 1965.
- ¹¹ *Henry James's letters / Ed. by L. Edel.* Cambridge, Mass. Vol. 1 – 1974; Vol. 2 – 1975; Vol. 3 – 1980.
- ¹² *Wilkinson M. Hemingway and Turgenev: The nature of literary influence.* Ann Arbor (Mich.): UMI research press, 1986.
- ¹³ *Moser Ch.A. Ivan Turgenev.* N.Y.; L., Columbia univ. press, 1972.
- ¹⁴ *Краснощёкова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества.* СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2003.
- ¹⁵ *Венгеров С.А. Русская литература в ее современных представителях. Критико-биографический этюд.* И.С. Тургенев. СПб., 1875. Ч. 2. С. 64.
- ¹⁶ *Батюто А.И. «Отцы и дети» Тургенева – «Обрыв» Гончарова: Философский и этико-эстетический опыт сравнительного изучения // Русская литература.* 1991. № 2. С. 3–23.
- ¹⁷ *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 27.* Л., 1973. С. 21.
- ¹⁸ *Брамфилд У.К. Социальный проект в русской литературе XIX века.* М.: Три квадрата, 2009 / Пер. с англ. С.И. Патрикеева, Б.В. Архипцева, С.С. Гитмана.
- ¹⁹ Там же. С. 148.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 170.